

Глава 31. Вселенная и числа.

Из машины Грейнджеров я вылезал под мантией-невидимкой. Директору надо было продемонстрировать, что добрый мальчик Гарри еще не поумнел настолько, чтобы усомниться в ее маскировочных свойствах. И удовлетворение, разлившееся от «незаметного» наблюдателя, накинувшего на себя дезиллюминационные чары, но не озаботившегося даже элементарной ментальной маскировкой, показало, что, по крайней мере, его обмануть удалось. Мы же с Миа старательно запомнили параметры ауры этого незнакомца, чтобы не ошибиться при следующей встрече. Я сделал некие предположения о личности наблюдателя, но поскольку в ауре не было следов проклятья либо же увечий — пришлось признать эти предположения несостоятельными. Лезть же в сознание данного мага, чтобы выяснить его имя, я не стал сам и не позволил Миа. Во избежание.

На входе в вокзал Миа попрощалась с родителями, и «заметив», как я выхожу из-за угла, где сбросил мантию, кинулась ко мне. Мы обнялись, и, держась за руки, прошли сквозь магглоотталкивающие чары.

На платформе 9 и 3/4 Миа вновь устроила показательные обнимашки с Луной. Конечно, после нашего с ней демонстративного наезда на Дом Рейвенкло в компании профессора Флитвика — тиранить мисс Лавгуд не решился ни один из представителей факультета умников. Ведь даже самым тупым из них было понятно, что Флитвик — есть Флитвик. Сказал, что будет расспрашивать Луну — сделает. И мало решившимся тиранить ученицу — не покажется. Но и особенной радости от общения с ней «собратья по Дому» не испытывали. Так что основным кругом общения для седой девочки оставался Внутренний, ну и Джинни. А от такого до появления очередного смельчака, который понадеется проскользнуть мимо внимания чемпиона дуэлей и профессора с немалым опытом — один шаг. Так что очередная демонстрация доброго отношения со стороны компании Мальчика-который-Выжил — была вполне уместна.

Любопытно, что, хотя в толпе и были слышны шепотки «Лунатичка Лавгуд!», но как только в сторону говорящих обращался пылающий взор Миа — языки сами собой втягивались туда, где им самое место. Историю «героических мстителей за честь Дома Рейвенкло» и их бодрой пробежки по Хогвартсу еще помнили.

Следующей к нашей компании подошла Джинни, конвоируемая близнецами. Рон крутился поблизости, но не подходил. К чему бы это? Неужели мы наблюдаем зачатки интеллекта и инстинкта самосохранения?

— Здравствуй, Гарри, — начала рыжая, потупив глаза.

— Привет, Джинни, — отозвался я. — Спасибо, — девочка удивленно посмотрела на меня. — Твое письмо очень помогло мне.

— Оно дошло? — Джинни вспыхнула счастьем.

— Дошло, — кивнул я. — Кривыми и окольными путями, но дошло. Спасибо. Фред. Джордж, — поздоровался я с близнецами.

— Гарри, Гермиона, — кивнули они в ответ. — Вручаем вам нашу маленькую сестренку. Позаботьтесь о ней.

Джинни стояла красная, в тон прически. Миа же серьезно кивнула. Кажется, идея «мы в ответе за тех, кого приручили» — нашла в ней свою верную сторонницу. И не то, чтобы я

сильно против этого возражал.

Близнецы стремительно умчались в голубую даль. Рон же продолжил крутиться где-то неподалеку, разрываясь между желанием уйти, и глубокой подозрительностью. Кажется, он серьезно подозревал, что я прямо на вокзале, или же в Хогвартс-экспрессе сотворю с его сестрой то, что имел возможность, но не сделал за весь прошлый год. Похоже, с предположениями о зачатках интеллекта я несколько поторопился.

Рубиновые близняшки, появившись на платформе, серьезно кивнули нашей компании, и, весело щебеча, уволокли Рона дальше вдоль вагонов, туда, где среди множества других аур ощущалось и присутствие Лаванды Браун. Джинни выдохнула, хотя краснота так и не сошла с ее щек.

Я поманил девочек за собой, и мы забрались в первый же попавшийся вагон, и двинулись по коридору, заглядывая в прозрачные двери в поисках «выглядеющего больным и усталым незнакомца в потрепанной и прожженной в нескольких местах мантии». Все-таки, на случай появления дементоров я хотел иметь поблизости кого-нибудь, кто гарантированно сможет их отогнать, не светя на всю округу магией Изначального Разрушителя.

Тяжелый и неприятный волчий запах накрыл меня буквально в следующем вагоне. Перед глазами поплыли каменные ступени Сорокопута, рушащиеся хрустальные купола Тизки, и даже каменные коридоры Клыка. И, хотя я уже не принимал участие в последней кампании, но эхо той резни еще долго гуляло по Великому Океану.

Уголки моих губ приподнялись, но не в улыбке, а скорее — в оскале.

— Тише, Гарри, тише, — Миа погладила меня по руке. — Я все понимаю, но постарайся...

— Хорошо, — ответил я, взяв эмоции под жесткий контроль. В конце концов, то, что накрыло друга отца этого тела — это не проклятье Вульфена... Хотя и воспринимается как нечто похожее. Очень похожее. Просто невероятно...

Я сконцентрировался на ощущении лежащей в моей руке тонкой ладошки. Это помогло, и я смог справиться со своими чувствами. Так что мы забрались в найденное купе, и стали дожидаться появления слизеринцев. Когда же Драко, Дафна и Астория пришли, мы потеснились, с некоторым трудом упаковываясь в не такое уж и просторное помещение. Я прикинул, что если не в этом, то в следующем году обязательно надо будет раскрутить Флитвика на чары расширения пространства, так как скоро мы уже перестанем помещаться в одном купе. Да и Рубинов пора уже отрывать от команды Величайшего, но увы, непризнанного, Рыжего Героя Современности.

Когда мы все-таки упаковались, Джинни попыталась что-то сказать, но я приложил палец к губам и покачал головой. Время и место для откровенных разговоров было выбрано далеко не лучшее.

Так что вместо откровений о ковенах хаосопоклонников, эмпатических способностях и «спящих» преподавателях, мы занялись обсуждением предстоящей всем, кроме Астории, Луны и Джинни, нумерологии.

Как выяснилось из учебника, внимательно изученного нами на каникулах, нумерология волшебников имела примерно такое же отношение к математике магглов, как астрология к астрономии. То есть, что-то общее, несомненно, было... но не так уж много.

Символические значения чисел и геометрических фигур, исчисления Древа Сефирот и сферы эманаций Эйн-Соф... Все это вместе составляло сложную, временами — противоречивую и несовместную систему, которую только гений Алого Короля* мог превратить в стройные ментальные техники Высших исчислений, позволяющие Тысяче сынов эффективно бороться с бурями Эфира. Мне, знакомому с техниками Песеджет не по наслышке, было очевидно, что создатели этой системы начали движение в правильном направлении, хотя до основных результатов было еще далеко. Начали... Но почему-то остановились на полушаге. Хотя... Возможно это я слишком самоуверен. В конце концов, судить по школьному учебнику, осознанно упрощающему предмет для понимаая его детьми, судить о современном состоянии дисциплины — несколько опрометчиво.

/*Прим. автора: Магнус Красный, Алый король, примарх Пятнадцатого легиона — Легиона Тысячи сынов, к которому в свое время принадлежал и Морион*/

Тем не менее, когда я начал объяснять ребятам упражнения элементарного уровня, которые предлагались любому, кто показывал желание вступить в боевое братство Тысячи сынов, спящий Ремус отчетливо вздрогнул. Палево, конечно. Но «то, что нельзя скрыть — следует выпячивать». Судя по подслушанному разговору с «профессором Трогар», Дамблдор уже убежден, что «наивный ребенок поверил демонам варпа, пообещавшим ему знатный ништяк». Убедить его в обратном — не получится, да и не надо. Но лучше будет, если в поисках доказательства своим мыслям Дамблдор надет то, что я посчитаю нужным ему показать.

Младшая троица реагировала на заумные рассуждения по разному. Астории было немного скучно... зато она понимала большую часть сказанного. Положение дочери древнего рода предполагало доступ к знаниям, недоступным иным прочим.

Джинни напряженно прислушивалась к разговору. Похоже, понять, о чем идет речь, ей удавалось в лучшем случае — в общих чертах. Но рыжая очень старалась.

Луна откровенно веселилась. Числа и их комбинации радостно вспыхивали в ее сознании, широко открытом навстречу каждому, кто пожелал бы ее прочитать... мир его праху. Заблудиться в лабиринтах безумия, скрывающих глубины сознания юной Малкавиан было нетрудно даже опытному менталисту. Так что разум Луны с точки зрения легилемента представлялся болотом. Веселая, зеленая полянка, на которой так хочется покататься, полежать, поиграть, но одно неверное движение — и под тобой трясина без дна. Когда девочка повзрослеет — болото станет зимним, скрытым тонкой коркой льда, способной удержать неосторожного на поверхности... но все таким же коварно-обманчивым. Миа, в своем упоении растущей Силой и умениями, пару раз уже чуть не попала в эту ловушку. К счастью, с помощью самой Луны, найти в этой трясине надежные тропы было вполне возможно, и рейвенкловка не позволила моей подруге сорваться, как сорвался в свое время я. Тогда только помощь сюзерена и несколько капель пылающей крови Тьмы позволили мне удержать свой разум от распада и выделить Малкавиан как отдельную ипостась, грань своего существования, не дав себе полностью превратиться в Безумного Пророка. О том, что в процессе этой Перемены я пару-тройку раз умер и восстал перед троном, скрытым в Лабиринте — можно даже не упоминать. Ибо мелочи. «Ерунда, дело житейское». Хотя о пирогах так, конечно, не говорят. А плюшка получилась немалая.

Предаваясь воспоминаниям о былом, я заметил, как глаза Луны на мгновение остекленели. Кажется, девочка впала в настоящий транс, и сейчас порадует нас Истинным Пророчеством. Я коснулся сознания Кай, и мы приготовились выслушать Безумного пророка.

Тень от тени бронзовой стены

Вновь идет сквозь огненные сны.

Как и полагается пророчеству, данное изречение было, мягко говоря, невнятным. Хотя... если девочка назвала стену «бронзовой» только для рифмы... Нда. Вот только этого нам здесь и не хватало. Ну что ж. Теперь будет. И это открывало интересные перспективы в Игре.

<http://tl.rulate.ru/book/69518/1850330>